

Фото Анны Дапшевичюте

Степан Стурейко

историк, культурный антрополог, доцент Европейского Гуманитарного Университета и лидер Белорусского комитета ИКОМОС (Международный совет по памятникам и достопримечательным местам). Занимается теорией культурного наследия, новой музеологией, развитием сообществ наследия. Автор трех монографий и около 40 академических статей.

Обращение к руинам Наследие вне парадигмы охраны

Степан Стурейко

Addressing the Ruins Heritage Beyond the Preservation Paradigm

The article of the EHU's Associate Professor and the Chair of ICOMOS-Belarus PhD Stsiapan Stureika is devoted to conceptualization of the new approach to cultural heritage that cannot be preserved in a traditional way, such as hundreds of ruined buildings across Belarus. The new approach, not denying classical conservation but rather helping to fill its gaps, critically examines a correlation between material and emotional components of ruined objects and the legitimacy for cultural heritage to be transformed. The text is based on ideas of Caitlin DeSilvey's book *CURATED DECAY. HERITAGE BEYOND SAVING* (2017) put on Belarusian specifics.

Вместо вступления

Как исследователь и как путешественник я постоянно собираю связанные с культурным наследием истории, забавные случаи и парадоксальные кейсы, на которые неясно, как реагировать. Такие парадоксы заставляют смотреть на проблематику наследия нестандартно, как бы выворачивая, разламывая устоявшиеся риторические обороты и подходы. Размышления над ними позволяют исследовать суть происходящих вокруг наследия общественных и культурных процессов, замечать неочевидное. В конце концов, на таких разломах обычно и рождаются новые смыслы.

Например, венские Flaktürme – комплекс из шести железобетонных зенитных башен люфтваффе, построенных нацистами в 1940-х годах в центре австрийской столицы для защиты от авианалетов. Гигантские, 40–50 метров в высоту, brutальные сооружения существенно выделяются на фоне исторической застройки. Стоя рядом с башнями, поражаешься тому, насколько они, огражден-

ные простенькими прозрачными заборчиками, изолированы от кипящей буквально в нескольких метрах жизни. Сегодня эти шесть башен стали болезненными символами германской оккупации, символами сотрудничества австрийцев с нацистами, но с ними... ничего нельзя сделать. Значительность ресурсов, которые требовались для демонтажа башен сразу после войны, способствовала их сохранению. И вот эти вопиющие мрачные глыбы так и стоят в центре города, став наглядной иллюстрацией выражения «elephant in the room», фигурой умолчания. Усилием какой-то невообразимой воли они были полностью вытеснены из фокуса туристического внимания, из культурной жизни, хозяйственного оборота (даже сегодня используется лишь одна из шести башен) и из самой скрупулёзной в мире австрийской системы охраны наследия. Поразительно, как настолько выдающиеся сооружения умудрились сделаться настолько незаметными и настолько исключенными из городской жизни.

Второй пример противоположен. Он не о том, как забыть, а о том, как помнить. Во второй половине 1980-х годов во время археологических раскопок в Опово – поздне-неолитическом селении на территории автономного края Воеводина в Сербии – исследователи обнаружили странную закономерность. В определенный доисторический период во всей этой местности не было ни одного глинобитного жилища, не подвергшегося сожжению. О целенаправленности поджогов свидетельствовали остатки остекленевшей глины, образование которой возможно лишь при очень высоких температурах, не характерных для случайных или военных пожаров. Данный период даже получил название «горизонт сожженных домов», количество которых там было бóльшим, чем в любой другой доисторический период где бы то ни было в Европе. Одна из наиболее вероятных гипотез, объясняющих поджоги, состоит в том, что они устраивались в ознаменование символического конца большого семейного хозяйства после смерти старей-

шины. Огромное количество стекловидной глины, остающееся на месте пожара, гарантировало, что физический дом и его место будут опознаваемы и останутся в памяти навсегда. Современные фермеры могут это засвидетельствовать: даже несмотря на отсутствие очевидных признаков в ландшафте, вспахивающие поле знают о том, что эти места и скопления обожженной глины являются доисторическими. Ежедневно вступая в контакт с обожженным щебнем и фрагментами керамики, крестьяне интегрировали эти места в свою память [1, 96–97]. Так разрушение стало залогом вечной памяти...

Белорусские руины как вызов

В 2017 году в рамках фестиваля Watch Docs меня пригласили организовать в минском кинотеатре «Мир» дискуссию, приуроченную к показу одного документального фильма о военных разрушениях культурного наследия. Обсуждать именно военные разрушения показалось мне в то время малоинтересным. Вместо этого я предложил участникам дискуссии – известным белорусским реставраторам – порассуждать над феноменом белорусских «естественных» архитектурных руин. В качестве визуального ряда для обсуждения были подобраны фотографии из цикла Наши руины белорусского фотографа Владимира Цвирко.

Присутствовал и сам автор, высказавшийся в весьма алармистском ключе о том, что спасение руин – первоочередная задача национального масштаба, на выполнение которой, судя по состоянию построек, осталось совсем мало времени, фактически – последний шанс. Мрачность рисуемой фотографом картины поразительным образом контрастировала с красотой и солнечностью самих фотографий.

Реставраторы оказались более сдержанными в эмоциях. Они, имевшие дело с десятками и сотнями подобных объектов, скорее утверждали принцип «через замочную скважину видно больше, чем через настесь»

открытую дверь», пускались в семейные воспоминания и вообще всячески поэтизировали следы времени и упадка.

Тема руин так никогда и не отпускала меня с тех пор. Оно и понятно: более-менее в каждом районе и городе Беларуси, практически у каждой деревни можно найти забытую руину. Панские усадьбы, заброшенные церкви, костелы и синагоги, водяные мельницы и даже замки! Сотни объектов, сохранение которых требует значительных ресурсов при неочевидной отдаче...

Беларусь – страна руин. Далеко не все они включены в Государственный список историко-культурных ценностей. Включено, пожалуй, меньшинство. Я не уверен, что это должно быть исправлено, но это тема для отдельной дискуссии. Сейчас хотелось бы сказать, что наши руины – это вызов;

то, с чем ничего нельзя сделать, особенно если оставаться в рамках традиционной консервационной логики. Комплексные научные исследования сотен объектов, их реставрация и музеефикация, включение в хозяйственный оборот – просто утопия, носителями которой, как ни странно, остается большинство белорусских специалистов, работающих в сфере наследия. На деле адептам иллюзий остается лишь бесконечно сожалеть о потерях.

Однако, пока мы еще не окунулись с головой в сожаления, я предлагаю помыслить руины в другой парадигме, совершив для этого определенное интеллектуальное усилие, без которого приведенные выше парадоксальные примеры останутся лишь забавными кейсами из параллельной реальности, а не ключами к пониманию процессов наследия, коими мне самому хотелось бы их видеть.

Для этого, глядя на фото руин, важно задать два вопроса.

Первый вопрос: они реально существуют или это уже призраки? Казалось бы – руины стоят, можно приехать на место и потрогать их. Однако будьте осторожны! В памяти всплывают кадры реставрации гродненского Старого замка, на которых строитель одним движением руки разрушает кирпичную кладку, она просто рассыпается от прикосновения. Не получается ли, что перед нами фактически песок, чудесным образом продолжающий держать форму? Если так, то наши руины – уже фантомы.

Второй вопрос: как правильно оценить состояние этих сооружений? Они наполовину разрушены или наполовину сохранены? Каждый ответит по-своему, а от этого ответа будет зависеть вызываемая руинами эмоция.

Остаток текста я посвящу альтернативным подходам к руинам, выводящим их из традиционной парадигмы охраны, при этом ничуть не умаляющим их ценность и значимость. И даже больше – расширяющим спектр их возможного действия!

Материальное versus эмоциональное

Одна из последних книг, произведших на меня большое впечатление – работа британской исследовательницы Кейтлин ДеСильви *Курируемый распад. Наследие, которое невозможно спасти*. Книга была неоднозначно воспринята профессиональным сообществом и все же удостоилась ряда престижных наград и упоминаний. Авторка рассуждает о наследии вне традиционных категорий охраны, консервации, реставрации, музеефикации и т. п. Я мечтаю перевести книгу на наши языки, потому что она очень сильно расширяет понимание того, что можно делать с объектами, которые не то полуразрушены, не то полусохранены, и до конца непонятно, существуют ли вообще.

Смотрите: если объект наполовину разрушен – это тревожно! Значит, надо продолжать (или наконец-то начать?) борьбу за его сохранение/восстановление, внести его в список охраняемого наследия, окружить государственной заботой и профессионально подготовленной интерпретацией. Обычно подпадающий под «презумпцию сохранения» объект ставят на этот путь, по которому он неспешно движется, порой, правда, медленнее самого процесса разрушения. Действительно, некоторым руинам «везет», и они попадают в водоворот активных, сдобренных финансовыми вливаниями сохранительных действий, в результате которых оказывается, что с водой выплеснули не только ребенка, но и всю «святую троицу»: аутентичку, эстетику и атмосферу.

Да, материальные артефакты, те самые кирпичи – лишь один элемент большой системы памятника. Что для нас ценнее, что более приоритетно при созерцании таких объектов, когда мы формулируем наше отношение к ним, а значит, и производное от отношения действие? Деградирующая физическая материя или чувственность? Что ценнее: уцелевшие кирпичи, архитектурные элементы и связующий их раствор или все же эмоция и история, стоящие за руиной, в том числе назидательная история разрушений?

Не пора ли признать, что в созерцании исторических центров наших городов уже гораздо больше мифологии и интерпретации, нежели реальной аутентички, практически нам не доступной? Перед нами – накопившиеся с годами реплики и политически мотивированные интерпретации на исторические темы, симулякры и архетипы наследия, рядящиеся ради собственной легитимизации в одежды западных идей об аутентичности и научности восстановления. Это особенно характерно для Центральной и Восточной Европы. Архитектура Варшавы, Вильнюса, Минска и других городов – прекрасные тому примеры.

Далее, если понимать память не как нечто контейнированное в материальных артефактах, а как процесс коммуникации, наследие вовсе не обязательно должно иметь стабильную материальную структуру. Скорее, материальный артефакт – лишь один из элементов комплексной системы, в которую входят и растительность, и пыль с грязью, и окружающие сельскую руину колхозные постройки. Все это формирует восприятие объекта и нашу эмоцию. Напротив, акты реставрации часто удаляют эти элементы, элиминируя подлинные этапы истории здания, в т. ч. этап, когда оно было никому не нужным. Получается, что в погоне за сохранением материальной структуры – лишь одного элемента системы памятника! – мы рискуем потерять остальные. Но не окажется ли, что они были не менее важны? Ведь поймем мы это только потом...

Завидую бесстрашию и уверенности некоторых реставраторов. В 2019 году мы проводили конференцию в Витебске, посвященную сохранению наследия бывших синагог, на которой выступал витебский архитектор-реставратор Александр Михайлюков. Он рассказал о концепциях восстановления шагаловского квартала на ул. Покровской. Эти концепции прошли несколько этапов переосмысления, но до сих пор так и не реализованы. Реставратор сказал потрясающую вещь: с каждым годом в этом квартале мы теряем все больше аутентики. Исчезают архитектурные элементы, фонари, ветхие постройки, историческая фурнитура. Но одновременно с этим архитекторы, дорабатывая свои проекты, с каждым годом все лучше понимают, что именно нуждается в сохранении, как сделать квартал живым, цельным и действительно ценным, как обеспечить преемственность памяти. То есть, если бы нашлись ресурсы реализовать это раньше, да, спасли бы больше, но в целом сделали бы хуже.

Показателен пример еще одного витебского объекта – «Клуба металлистов», зда-

ния, построенного в межвоенный период в выразительном конструктивистском стиле. В 1941 году в нем и на окружающей территории находилось еврейское гетто. В 2009 году здесь случился пожар, выгорели интерьеры. Сегодня здание пустует. Один из западных исследователей Холокоста, посетивший это место, был совершенно восхищен объектом. Наивный! Обгоревшие остатки здания, сожженные бомбами, он принял за пронзительный дизайнерский мемориал, предельно откровенно передающий эмоцию Холокоста. Получается, разрушенные объекты выступают мнемоническими устройствами – мощными источниками позитивных и тревожных ассоциаций, и это, пожалуй, самое ценное их качество.

В самом деле, распад структурной целостности не обязательно ведет к элиминации смысла памятника. Как мы увидим дальше, процессы разрушения и дезинтеграции также могут быть продуктивными как в культурном, так и в экологическом смыслах.

Стабильность versus трансформация

Нелегитимность изменения, приоритет консервации – это положения, закрепившиеся в общественном восприятии наследия лишь в XX веке вместе со становлением и укреплением европейских институтов охраны памятников. Данная прогосударственная система страдает неповоротливостью и одномерностью действий. Эта машина едет только вперед.

Между тем, изменения имеют место, как их не отрицай. Как пишет ДеСильви, «сотрудники институций, с которыми я консультировалась в ходе исследования, остро осознают неизбежность, неумолимость силы материальной трансформации, изменяющей объекты и места, за которые они несут ответственность. Однако в своих профессиональных ролях они вынуждены извиняться за эти

изменения или даже делать вид, что ничего не происходит вместо того, чтобы рассматривать перемены как возможность для привлечения людей и признания уязвимости материи» [2, 9].

Однако взгляды и парадигмы работы с наследием не исчерпываются консервацией, они гораздо более разнообразны [3]. Начиная с особенностей японского сохранения буддистских храмов, полностью перестраиваемых с периодичностью раз в 20 лет, где приоритет ценности отдается не «аутентичной» древесине, а передаче духовных традиций и ремесла от поколения к поколению, заканчивая борьбой с почитанием могил в исламе, приобретшей невероятный для европейца размах прямо в колыбелях ислама – Мекке и Медине. Так, в 1998 году власти Саудовской Аравии

сравнили с землей могилу матери Пророка. В 2014 году было объявлено о плане разрушения гробницы Мухаммеда возле мечети Пророка и перенесении его останков на кладбище аль-Баки [4].

Но что произойдет, если мы пойдем еще одним путем и решим попросту не вмешиваться в постепенную деградацию материальных структур? Какие возможности открываются, когда изменения принимаются, а не отвергаются априори?

Здесь имеет смысл вспомнить биологическую трактовку энтропии как возможности для нового роста. Биологический организм, разлагаясь, дает новую жизнь. Любопытно, что в охране природного наследия эта мысль о ценности естественного развития, даже с

учетом возможной деградации, давно вошла в этический кодекс. Целью охраны природы и, соответственно, управления этой охраной является сохранение естественного хода развития экосистем. И даже если он приводит к исчезновению или модификации, это все равно естественный процесс. Упавшее дерево в недрах Беловежской пуши не поднимают, не реставрируют, его оставляют гнить.

С культурным наследием – наоборот! Энтропический режим в культуре означает ее постоянное стремление к банализации и примитивизации. Однако вместо того, чтобы противостоять этому, в ряде случаев, вероятно, продуктивнее было бы признать легитимность процесса.

Я прекрасно понимаю неоднозначность приводимой аналогии, но давайте поработаем с ней еще немного. Наши руины – это готовый симбиоз культуры и природы. Несколько лет назад в Германии я посетил уникальный объект – «Бункер Валентин», бывший нацистский трудовой лагерь под Бременом. Гигантский бетонный бункер, предназначенный первоначально для сборки и ремонта подводных лодок, сейчас охраняется как национальный мемориал. И только одна загвоздка мешает использовать его целиком в культурных целях. За время длительного отсутствия там людей в послевоенные десятилетия в бункере успела поселиться и невероятно размножиться колония летучих мышей. Сегодня она – одна из самых крупных в Германии. Теперь приходится совмещать цель сохранения колонии летучих мышей с целью сохранения и использования руины мрачного нацистского наследия.

У нас также фактически произошла трансформация руин в культурно-природный комплекс. И дело не просто в муравьях, ящерицах и растущих из камней кустарниках. Объекты уже могут быть интерпретированы в качестве интегральной части комплексного природного ландшафта.

Думается, что в некоторых ситуациях прогнозируемость деградации можно обратить в подобие сценарного плана для разработки новых способов осмысления этого наследия [2, 5]. Так, как это уже происходит, скажем, с вещами и атрибутами жертв Холокоста, хранящимися в Государственном музее Аушвиц-Биркенау. Например, в отношении человеческих волос было принято решение об их захоронении после того, как процесс распада перейдет некий установленный рубеж. Это будет сопровождаться соответствующей церемонией и общественным вниманием.

В 2005 году Национальный траст (National Trust – ведущая организация, занимающаяся сохранением английского наследия) принял новую политику в отношении сохранения ландшафтов береговой линии, в основе которой лежит принятие невозможности предотвращения ее разрушения. Прагматичная, противоречивая и в чем-то фаталистическая политика направлена скорее на приспособление к процессам геологических изменений, а не на сопротивление им, даже если на некоторых участках эрозия привела бы к потере зданий и сооружений. Как пишет ДеСильви, «со временем я поняла, что головоломка, стоящая перед Национальным трастом, заключалась не столько в том, как справиться с неизбежностью физического разрушения, сколько в том, как рассказать историю гавани и ее будущего. Может быть, имеет смысл описывать изменения как ценность, а не как фатальность нашего бессилия? Ведь прошлое – не установившееся, стабильное и статичное, а изменчивое, открытое и активное» [2, 48].

В конце концов, имеет смысл принять за основу мысль о том, что сохранение – это управление переходом от прошлого к будущему таким образом, чтобы обеспечить передачу максимальной значимости сохраняемого. Этот подход разделял и бывший президент Международного совета по памятникам и достопримечательным местам (ИКОМОС)

Густаво Ф. Араоз, утверждавший, что специалисты по культурному наследию должны думать скорее о своей роли в управлении изменениями ради сохранения ценности и значимости, а не предотвращать изменения в борьбе за консервацию существующего материального состояния [2, 132].

Практический вывод

Написанное выше можно воспринимать в качестве риторических вопросов. Но что делать музейным сотрудникам здесь и сейчас? Что делать охранникам наследия и всем причастным, тем же благотворительным фондам, беспokoящимся о судьбе бывших усадеб-руин?

Во-первых, документирование. Скрупулезный сбор максимального количества сведений о руинированных объектах. Мы даже не всегда представляем, до какой степени это может быть глубоко. Скажем, по мраморным кускам разрушающегося памятника и застывшим в них организмам, которым миллионы лет, можно изучать геологию и палеонтологию. Изучать и документировать необходимо прежде всего то, что непременно исчезнет. Таким образом оно останется в истории.

Во-вторых, закладка памяти об объекте в новых конструкциях. Наверняка какая-то инвестиционная (строительная) деятельность разыгрывается неподалеку от памятника, часто прямо напротив. Новое строительство, новое благоустройство могло бы учитывать то, что было или вот-вот будет утрачено, обеспечивая преемственность.

В-третьих, использование элементов и строительного материала памятника в других объектах. Недавно в Гродно открыли большой торговый центр «Олд Сити», внутри которого была сооружена эмуляция средневекового замка из аутентичного старого кирпича, купленного и привезенного в Гродно с польско-немецкой границы. Так что старый кирпич – чрезвычайно ценная вещь. Да и зачем далеко

ходить? Чуть ли не половина Гольшан и Крево построена из материалов замков. И это тоже часть их истории!

В-четвертых, массовые мероприятия, направленные на сохранение памяти и актуализацию исторических ценностей, значимых для современности, наработка социального пласта наследия. Понятно, что кто-то пойдет туда в качестве безучастного туриста. Но, вместе с тем, будет расти и число людей, ментально присваивающих эти объекты, будет происходить формирование сообщества наследия – сообщества причастных. Ведь главная беда такого наследия в его бесхозности.

В-пятых, вероятно, самое важное, но и самое сложное – новая интерпретация руин. Интерпретация, описывающая новые качества трансформирующихся объектов как ценность, открывающая новые возможности для понимания памятника или того, что от него осталось.

Вот то, чем могут (а по моему мнению – должны!) заниматься музеи и прочие институции, которые считают работу с такими объектами своим профильным занятием.

Я хочу отдельно подчеркнуть, что вышеуказанные рекомендации не означают призыва к отказу от традиционных практик сохранения. Просто не нужно видеть в них единственный путь и спасение. Во-первых, спасения можно попросту не дожидаться; во-вторых, без должной рефлексии оно может дать совсем не тот эффект, на который рассчитывалось.

ICOMOS-Belarus в течение четырех лет реализовал проект, направленный на поддержку низовых инициатив, работающих с наследием бывших синагог, многие из которых также лежат в руинах. Наша принципиальная позиция состояла в том, чтобы поддерживать сообщества заинтересованных, а не разрушающиеся камни; инвестировать в людей, понимающих ценность камней и способных закладывать в них важные смыслы, самостоятельно искать

средства для реставрации или реализации других прекрасных идей. Иными словами, социальная деятельность была для нас не менее важной, чем инвестиции в реставрацию. Это тоже видится мне частью нового альтернативного подхода, концептуализируемого в данном тексте.

Таким образом, работа с культурным наследием не может исчерпываться лишь деятельностью в области материальной консервации. Коммуникационная природа наследия требует гораздо более сложных подходов и разработок, прежде всего интеллектуальных. В конце концов, преодоление очередных социальных вызовов и выражение нового смысла культуры невозможно без нового гуманитарного языка, без новых форм и средств выразительности, создание которых не осуществимо в рамках догматического консерватизма. Это и является основным предметом нашей работы.

Использованная литература

- [1] Бюхли, Виктор. Антропология архитектуры. Харьков: Гуманитарный центр, 2017. 288 с.
- [2] DeSilvey, Caitlin. Curated Decay. Heritage beyond Saving. London: Routledge, 2017. 233 p.
- [3] Lowenthal, David. Material Preservation and Its Alternatives // *Perspecta*, 1989. Vol. 25. Pp. 66–77.
- [4] Spillett, Richard. Will Saudi Arabia MOVE the remains of Prophet Muhammad? Controversial plan for 'anonymous' burial to prevent the site itself being worshipped // <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2740307/Controversial-plan-calls-Saudis-tomb-Prophet-Muhammad-Fears-idea-stoke-religious-divisions.html#ixzz3wJVQnD00> (02.09.2014).